
Алексей ГРЕКОВ

БЕЗЛУНЬЕ
(НЕПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ
МИХАИЛА БУЛГАКОВА)
Фарс-фантазмагория в четырех видениях
с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михаил Афанасьевич Булгаков.
Елена Сергеевна Булгакова, она же Черный Монах.
Виктор Викторович, он же Пургон, Мольер, Король-Солнце,
Солист, Кушкин.
Эразм Эдуардович, он же Савва Лукич, Доктор Кубик.
Николай, он же Композитор, Николаша.
Разносчица, она же Уборщица, Управляющий, Сиделка.
Лейтенант, он же Мстислав Лаврович, Секретарь.
Официант, он же Рабочий сцены, Референт.
Проводник, он же Главреж, Инспектор.

ПРОЛОГ

Затмение. Звучит увертюра из «Фауста» Гуно. Вспыхивает свет. Купе международного (спального) вагона-люкс: два диванчика, стенной шкаф, столик. Поезд Москва—Тбилиси. Знойный августовский день 1939 года. В купе — женщина в длинном, открытом сверху черном платье («с красивым вырезом на груди», по словам Булгакова), Елена Сергеевна. Сумки и чемоданы еще не распакованы. На столике лежит увядший букетик луговых цветов. В руках у Елены Сергеевны стакан с водой, время от времени она окунает в него кончики пальцев и шевелит ими над полом: таким способом она пытается хоть немного прибить клубящуюся в воздухе пыль. Музыка в репродукторе смолкает. Сразу становится слышен мягкий перестук колес.

Репродуктор (*мужской голос*). Дорогие радиослушатели! Вот уже две недели на бывшей окраине Москвы открыта Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. За это время ее успело посетить более миллиона советских тружеников. Слушайте радиоочерк «Песнь торжествующего труда». (*Нижеследующее — подлинный*

Алексей Анатольевич Греков родился в 1961 году. Окончил Киевский политехнический институт по специальности «физика металлов». Совместно с женой создал экспериментальную частную школу «Афины». Написал и поставил 30 пьес для детей и подростков. Живет в Киеве.

образчик публицистики 1939 года. Пауза. Взволнованный женский голос.) Издали, еще прежде чем белая стрела на асфальте укажет поворот в сторону Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, мы замечаем возвышающуюся высоко над кронами деревьев скульптуру. Тракторист и колхозница, шагая в дружном шаге, несут в поднятых руках снопы колосьев. Это как бы эмблема выставки, символ труда и зажиточности. По широким аллеям проходим мы к главному павильону, где заботливо и любовно собрано все, что отражает расцвет культуры колхозного крестьянства. Вот на стенах картины великих русских реалистов девятнадцатого века. На них — покосившиеся избы, забитые мужики, наглые кулаки, оборванные дети. А рядом — красочные, точно залитые солнцем, полотна художника-орденоносца Каляева, рисующие здоровых и жизнерадостных людей, свободных женщин. Вычислено, что картины, панно и произведения графики, украшающие выставку, занимают восемь тысяч квадратных метров. Здесь представлено свыше тысячи барельефов, четыреста скульптур, двести восемьдесят диорам, тысяча восемьсот макетов, сделано сорок восемь тысяч фотонегативов.

Входит Булгаков. Он переоделся в легкий летний костюм из белой парусины, снятый черный — у него в руках. Этот костюм он вешает в стенной шкаф. Елена Сергеевна ставит стакан на столик и опускает в него букет.

С начала августа на территории выставки проводится Всесоюзный смотр лучших самодеятельных коллективов всех одиннадцати союзных республик. Народные сказания и песни славят радостную жизнь, величие побед социалистической родины, ее замечательных людей, ее лучшего человека — Сталина. Уродливый капиталистический уклад жизни жестоко душил и калечил народное искусство...

Елена Сергеевна. Ужасная пыль.

Булгаков (*демонстрируя костюм*). Ну и как я тебе?

Елена Сергеевна. Очень хорош! Вылитый ответственный работник.

Булгаков. Что ты говоришь такое? Перекрестись. Они все плохо кончают.

Елена Сергеевна. Назвался бригадиром — полезай в кузов.

Булгаков. От бригадирши слышу.

Елена Сергеевна. Который час?

Булгаков. Полвторого. Скоро Серпухов.

Елена Сергеевна (*доставая свертки*). Пора обедать. Где остальные?

Булгаков. Витенька с Эразмом опять схватились, на этот раз из-за покойного К. С... Это еще что такое?

Елена Сергеевна. Где? Это? Пирожки, ты же любишь...

Булгаков. Пирожки я люблю, а вот это? (*Указывает на газету*.)

Елена Сергеевна (*сокрушенно*). Протекли...

Булгаков. Ведь это безобразие, Куквик.

Елена Сергеевна. Но, Миша, я Настю просила помочь...

Булгаков (*берет газету*). Черт знает что такое! Официальный снимок — а все правительство заплыло жиром! Меня посадят, Кукочка.

Елена Сергеевна. Миша!

Булгаков (*не отрываясь от газеты*). Что, Ключик?

Елена Сергеевна (*грозно*). Миша!

Булгаков. Да что с тобой?

Елена Сергеевна. Как ты меня обещал называть?

Булгаков. Когда?

Елена Сергеевна. При посторонних.

Булгаков. Как же, как же: очаровательная и прекрасная Елена.

Елена Сергеевна. А еще?

Булгаков. Бель Люси. Невозможно читать — вся в пятнах.

Елена Сергеевна. Не забудешь?

Булгаков. Никогда, Дундик.

Елена Сергеевна. Миша!

Булгаков. Каляев умер.

Елена Сергеевна. Какой Каляев?

Булгаков. Позор. (*Читает.*) «Вряд ли можно назвать среди советских художников другое имя, которое пользовалось такой исключительной всенародной известностью». Ну?

Елена Сергеевна. В первый раз слышу.

Булгаков (*читает*). «В то время, когда в Академии художеств и за ее стенами все шире и шире разливалась бушующая стихия всякого рода декадентских течений...»

Елена Сергеевна. Каких течений?

Булгаков. Всякого рода декадентских... «Каляев проявил стойкость и приверженность к установкам реализма... Октябрьская революция...» так... «Каляев взялся за большие историко-революционные темы и за портреты вождей пролетариата». А ты не знала. «Исполненные им картины „Беседа товарища Сталина и товарища Микояна“, „Товарищ Берия на чайных плантациях Грузии“, „Товарищ Хрущев на свекловичных полях Украины“ были размножены в массовых тиражах. Они были высоки по своим художественным качествам, понятны и рабочим, и колхозникам, объединяя их чувства, волю и мысль... Заслуженный деятель искусств... орден Ленина... В его лице советское искусство потеряло выдающегося мастера, страстного и последовательного борца за социалистический реализм». Ну?

Елена Сергеевна. Приступ некрофилии и вообще пессимизм.

Булгаков. Вовсе нет. Я оптимист. После таких некрологов неделю не хочется думать о смерти.

Елена Сергеевна. И не надо. Совсем.

Стук в дверь.

Булгаков. Если свои — входите.

Стук повторяется. Булгаков открывает. На пороге Разносчица.

Разносчица. Готовые обеды. Холодные закуски. Горячие блюда. Напитки. Десерты.

Елена Сергеевна. Очень вовремя. Что вы можете нам предложить? У вас есть меню?

Разносчица. Прейскурант. (*Протягивает.*)

Елена Сергеевна (*берет*). Чудесно. Что бы вы нам посоветовали?

Разносчица (*подмигнув*). Интимный обед на двоих?

Елена Сергеевна (*изучая список блюд*). На пятерых.

Булгаков (*снова берясь за газету*). Нас тут целая бригада.

Разносчица. В поезде имеется вагон-ресторан.

Елена Сергеевна. К сожалению, наш бригадир не совсем здоров. Мы будем обедать в купе. Хорошо. Пожалуйста, икры зернистой. Лососину. Грибы в сметане.

Разносчица (*записывая*). Вы в Тбилиси едете?

Булгаков. В Батуми.

Разносчица. Всей бригадой?

Елена Сергеевна. Кролик в белом соусе.

Разносчица (*записывая*). Отдыхать?

Булгаков. Работать.

Разносчица. Сезонные, стало быть.

Елена Сергеевна. Ананас в коньяке.

Разносчица. Свои достижения показывали? Или на чужие смотрели?

Булгаков. Достижения?..

Разносчица. Вы что, не были на выставке?

Елена Сергеевна. Барышня, вы отвлекаетесь. Мы были на выставке. Бутылку шампанского полусладкого.

Виктор (*входя*). Шампанского не надо. Вот вам шампанское. Здравсьте, гражданочка. Настоящее «Абрау».

Елена Сергеевна. Виктор, вы меня напугали.

Виктор. Это невозможно. Вы самая бесстрашная из всех известных мне женщин, а их, поверьте мне... Жарко, граждане.

Разносчица. И вы тоже колхозник?

Эразм (*входя*). Совершенно верно. Колхозник он, самый отъявленный. Общий привет. Вы только взгляните на его не тронутое культурой лицо...

Виктор (*декламирует*). Неча, неча... Ленину тоже говорили: сперва, мол, сделаем наш народ культурным, а потом уж будем строить социализм! Порочно ты мыслишь, Эразм!

Николай (*входя, декламирует*). Да, Эразм Эдуардович! Мы должны добиться, чтобы кусок хлеба насущного перестал быть проблемой! Чтобы изобилие стало фактором постоянным, непреложным! А для этого нам надо, чтобы все колхозы единым строем, планомерно шли к совершенству. Чтобы все они, все до единого стали бы лабораторией величайших научных опытов, всего, что изобрел народный гений, гений и опыт ученого. И мы этого добьемся, мы к этому идем! (*Из пьесы Н. Вирты.*)

Эразм. Ура, товарищи! А выпить нечего.

Елена Сергеевна. Барышня, вы приняли заказ? Добавьте еще пять бутылок боржома и графинчик водки.

Виктор. Водку по жару? Фу-у!

Елена Сергеевна. Тогда коньяку.

Разносчица. Сию минуту.

Выходит. Все рассказиваются. Виктор устраивается в непосредственной близости от пирожков и начинает их исподтишка поедать.

Елена Сергеевна. Послушайте, что это за чепуха?

Виктор. Где чепуха?

Елена Сергеевна. Ну вот эта... про колхозы...

Эразм. Любезная Елена Сергеевна, что значит отрываться от Театра! Это не чепуха, это наш текущий репертуар.

Елена Сергеевна. Ужасно.

Виктор. Кто его знает. Темы есть, драматургов нет. Такого масштаба, как Миша.

Булгаков. Грубо, Витечка, грубо льстишь. Я не драматург, я — либреттист.

Эразм. Либретто балета «Одетта раздета».

Булгаков. И что значит — масштаб? Кого измерять? В каких единицах? В пьесах? В спектаклях? В гонорах? В Мольере полтора Гоголя. В Лавровиче пять Булгаковых. Благодарю покорно.

Николай. Лаврович — хороший драматург.

Булгаков. Именно — хороший. Золотые ваши слова. В СССР много хороших драматургов. Только надо еще быть хорошим политиком, а вот в этом я слаб.

Николай. Но никто от вас и не требует политических пьес.

Булгаков. Я не об этом. Конечно, не требует. Писать политическую пьесу, не имея возможности носа высунуть из страны? Это чепуха, уверяю вас.

Эразм. Можно и здесь кой-какой материал подобрать. Возьмите любую газету...

Булгаков. Газету? Возьму. С удовольствием. Буду переделывать некрологи в диалоги.

Эразм. Какие некрологи?..

Виктор. Все пустое. Довести бы «Батум» до премьеры, а там, глядишь, Театр и преподнесет вам маленький презент вроде двух заграничных паспортов.

Пауза.

Елена Сергеевна. Не искушайте нас без нужды.

Булгаков. Люся, тебе изменяет чувство юмора. Похвали Витечку, он изрядно сострил.

Виктор. Если Театр очень сильно попросит, ему не откажут.

Булгаков. Театру, может, и не откажут, а нам — как раз.

Эразм. А что вы так все рветесь за границу? Что вы там ожидаете найти? Грязные тесные городишки. Один Берлин чего стоит... Все это не для русского человека. Я часто ездил сперва; без особого желания, но ездил. А потом и вообще перестал. Верите ли, надоело. Одно и то же, одно и то же.

Булгаков. Как я вас понимаю! Мне тоже, верите ли, надоело: который год мне обещают одно и то же, одно и то же, а как приходит срок...

Виктор. Миша, осталось четыре месяца. Если мы уложится к юбилею товарища Сталина...

Булгаков. Не уложитесь. Это даже смешно. Может, еще к семидесятилетию...

Эразм. Все равно, рано еще об этом говорить. Пока пьеса не вернулась из секретариата... *(Указывает вверх.)*

Виктор. Но вернется же она когда-нибудь!

Булгаков. Я хочу услышать: имею я право увидеть другие страны или нет?

Эразм. Имеете. Только это право надо еще заслужить.

Булгаков. А я, выходит, не заслужил?

Эразм. Но... поскольку пьеса пока не вернулась...

Булгаков. Она вернется через шесть дней.

Пауза.

Эразм. Однако... Подождем.

Булгаков. А как же мой масштаб и прочие комплименты?

Эразм. Я не ожидал, что они так вскружат вам голову. Мне казалось, вам чуждо тщеславие.

Булгаков. Одно время мне тоже казалось, но потом, верите ли, надоело. Мне идет сорок девятый год. Мой отец умер в сорок восемь. У меня за плечами пять лет врачебной практики и двадцать лет литературной работы. Пятнадцать лет я каторжник Театра, я написал четырнадцать пьес. Все они мертвы, за исключением одной, и за ту я должен благодарить отнюдь не Театр.

Эразм. Вам бы бухгалтером быть.

Булгаков (*по-волчьи оскалившись*). Бухгалтером? Как же, как же, сочтемся, будьте покойны. «Если Театр очень сильно попросит, ему не откажут». Золотые слова. Их надо высечь на фасаде. Именно — высечь. И от меня добавить мелкими буквами: здесь похоронены «Бег» и «Мольер». Мир их праху. Я сыт обещаниями, можно даже сказать — перекормлен ими. Сейчас вы нуждаетесь во мне, да, да — в пьесе к юбилею, а потом, когда стихнут аплодисменты, одни будут вертеть дырочки в пиджаках, нет, нет — не из суетного тщеславия, а с сознанием исполненного долга, а я опять стану искать свою фамилию в разделе «и другие». Из тщеславия, разумеется.

Открывается дверь. На пороге — Лейтенант и Разносчица.

Лейтенант. Всем оставаться на своих местах. Предъявить документы.

Пауза.

Виктор. Это невозможно: оставаться на местах и предъявить документы. Наши места в соседнем купе.

Лейтенант. Не двигаться.

Виктор. Я за документами!

Лейтенант. Не рассуждать.

Разносчица (*указывая на Булгакова*). Пусть этот предъявит.

Лейтенант. Гражданин, ваши документы.

Булгаков достает из кармана книжечку и подает Лейтенанту.

(*Читает.*) «План работы бригады по пьесе „Батум“».

Булгаков. Это не то... Вот паспорт. Верните... Это записная книжка.

Лейтенант. Не двигаться! Разберемся (*Читает.*) Булгаков Михаил Афанасьевич.

Разносчица. Он у них бригадир.

Лейтенант. Разберемся, какой он бригадир.

Разносчица. Они, говорят, сезонные.

Лейтенант. Разберемся, какие сезонные. Записная книжка, а все страницы чистые.

Разносчица. Может, бесцветными чернилами?

Лейтенант. Что значит — пьеса «Батум»? Отвечать, когда спрашивают.

Виктор (*объясняя жестами, как глухонемому*). Пьеса, понимаете? В театре... актеры... понимаете?

Лейтенант. Не двигаться!

Пауза. Сидящие переглядываются.

Булгаков (*задушевно*). Молодой человек, послушайте...

Лейтенант. Я не молодой человек.

Булгаков. Почтеннейший, выслушайте меня.

Лейтенант. Я не почтеннейший.

Булгаков. Конечно, конечно — профессия... (*Разводит руками.*)

Лейтенант (*в ярости*). Называть: товарищ лейтенант!

Пауза.

Николай. Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?

Лейтенант. Обращайтесь.

Николай. В девятьсот втором году в Батуме под руководством товарища Сталина проходила рабочая демонстрация.

Лейтенант. Вы меня не агитируйте.

Николай. Что вы, что вы! Разве вам это неизвестно?

Лейтенант. Нам все известно.

Николай. Ну вот — об этом и пьеса.

Лейтенант. О чем?

Николай. Но... о юности товарища Сталина.

Лейтенант. Ясно. Антисоветская агитация, статья пятьдесят восьмая. С какой целью едете в Тифлис?

Булгаков. Боже мой! Люся, где письмо?

Лейтенант. Ясно. С какой целью выдаете себя за сельхозбригаду?

Елена Сергеевна. Как?! Сельхоз? *(Хохочет.)* Это ошибка! Прочтите вот это!

Лейтенант. Отставить смех! *(Читает.)* «Направить в Тифлис и Батум бригаду для сбора и изучения материала...» Ага! Для сбора материала! «...Директор Театра...» Театра? «Барон...» Ага! Нет... «Баран...»

Николай. Баринов.

Лейтенант. Не расс... Допустим. С какой целью... С какой целью...

Эразм. Вот что, товарищ лейтенант, я, видимо, должен сказать вам пару слов. Только не здесь, а в коридоре. Прошу вас... на минутку...

Лейтенант *(отдавая Разносчице письмо)*. Никого не выпускать.

Эразм и Лейтенант выходят. Пауза.

Виктор. Никто не работает. Все ловят шпионов.

Разносчица. Не рассуждать!

Возвращаются Эразм и Лейтенант, последний в крайнем раздражении.

(Возвращая лейтенанту письмо.) Подпись неразборчивая...

Пауза.

Лейтенант. Неразборчивая, говоришь? Разбираться надо!

Разносчица. Да я что...

Лейтенант. Бригада товарищей артистов выполняет задание государственной важности. Что не ясно? Что не ясно, я спрашиваю?

Елена Сергеевна. Потрудитесь вернуть документы.

Лейтенант *(возвращая)*. Виноват. Рад был с вами познакомиться. Приятного путешествия. *(Разносчице.)* А с тобой мы еще разберемся.

Выходит.

Разносчица. Да я что...

Елена Сергеевна. Барышня, где наш заказ?

Разносчица. Сию минуту.

Исчезает. Пауза. Все подавленно молчат.

Виктор. Жарко.

Эразм. Прошибло потом?

Виктор. И до чего вредная баба. Сейчас она вернется, я ей вправлю мозги.

Эразм. Ей и без тебя вправят.

Николай (Эразму). А что вы ему сказали?

Эразм. Елена Сергеевна, отодвиньте от Витеньки пирожки. Он уже пятый берет.

Виктор (возмущен). Ну, Эразм! Тебя учили в детстве: не донеси на ближнего твоего?

Эразм. Чревоугодие — тоже грех. Пользуешься, что другие лучше воспитаны...

Елена Сергеевна. Берите все, пробуйте! Конечно, проголодались...

Виктор. «Чревоугодие! Пятый!» Тебе бы бухгалтером быть.

Тянется за пирожком.

Елена Сергеевна (отодвигая). А вам хватит.

Виктор. Почему это?

Елена Сергеевна. Мои пирожки надо есть наслаждаясь, маленькими кусочками, а не глотать целиком. Зачем я старалась?

Виктор. Я наслаждаюсь!

Елена Сергеевна. Ах, так? Признавайтесь, что за начинка?

Николай. Попался.

Виктор. Сразу не скажешь, но на вкус восхитительно.

Эразм. Это капуста, Витенька.

Виктор. Да что вы говорите! Леночка, вы кудесница.

Елена Сергеевна. На колени.

Виктор (сползая с дивана). Милосерднейшая!

Эразм (вскрикивает). На ногу!

Виктор. Пощади, о вернейшая из женщин!

Елена Сергеевна. Нет.

Виктор. Мудрейшая из жен.

Елена Сергеевна. Нет.

Виктор. Милейшая из ведьм!

Елена Сергеевна. Вот! Встань, презренный. Жалую тебя пирожком.

Эразм. Это как человек пресмыкается! И из-за чего! Из-за какого-то пирожка!

Виктор. Неважно из-за чего, Эразм. Важно — перед кем.

Стук в дверь.

Виктор. Она! Миша, пожертвуй наволочку.

Елена Сергеевна. Виктор! Не смейте!

Виктор. Ни с места! Я наполовину горец. (С акцентом.) Кровная месть — мой священный долг. (Становится у двери.) Входите! Смерть шпионам!

Надевает наволочку на голову вошедшему Официанту.

Эразм. Витенька, а ведь это не она.

Виктор. Сам вижу. Извините. Мы люди дикие, сельхозбригада, понимаете...

Официант. Ваш заказ.

Николай. У-у, сколько всего!

Елена Сергеевна. Вы уж простите его. Ребячество...

Официант. Что вы, что вы! Это я должен извиниться. Лососина закончилась, мы заменили балыком. Грибы закончились, мы заменили шницелем. Кролик закончился, мы заменили петухом.

Виктор (*берет бутылку*). Э, позвольте, а это как?

Официант. Коньяк в ассортименте.

Николай. Скажите, а почему — петухом, а не курицей? Как вы их различаете?

Эразм. Коля, не морочь человеку голову.

Николай. Нет, я серьезно, по гребешку, что ли?

Виктор. По предсмертному крику, зануда. Ты когда-нибудь резал петуха?

Николай (*ошеломлен*). Нет, не приходилось.

Виктор (*подавая ему тарелку*). На, попробуй. (*Официанту*.) Вы эту тележку здесь оставьте. Мы поедем — вернем с приветом. А нет — так приходите через час.

Официант выходит.

Елена Сергеевна. Виктор, вы ужасны.

Виктор. Спасибо на добром слове. А сейчас будем пить. Миша, ты врач: у меня явно нарушен водный баланс.

Эразм. Сказывается на умственных способностях.

Булгаков. Полагаю, сто капель коньяку арменикус поставят тебя на ноги.

Виктор. Благодаритель! (*Эразму*.) Дай сюда! Ты без рецепта.

Эразм. Протестую! Это знахарство!

Виктор. Я должен встать на ноги.

Эразм (*вскрикивает*). На ногу! Медведь! От такой дозы ты протянешь ноги, а не встанешь...

Виктор. Тебе в другом месте нальют, за пару слов.

Пауза.

Эразм. Что за намеки?

Николай. У меня тост!

Виктор. Сиди! У меня тост.

Эразм. Очень странно...

Николай. Нет, позвольте мне сказать! Михаил Афанасьевич! Уважаемый... Михаил Афанасьевич! Вы человек удачливый...

Виктор. Только не все это знают.

Николай (*Булгакову*). Главное, чтобы вы сами в это верили. Я хочу выпить за ваш успех, за счастливое сочетание звезд (*показывает вверх*) там, где сейчас читают вашу пьесу. За удачу!

Общее замешательство.

Виктор (*мрачно*). Нельзя пить. Плохой тост.

Николай. Почему?

Виктор. Дурная примета. Тем более в присутствии столь очаровательной дамы... Первый тост — ее. Предлагаю выпить за здоровье и красоту нашей несравненной бригадирши! Мужчинам — стоя.

Эразм. Пощади мою ногу.

Виктор. Ты можешь сидеть.

Встают. Пьют. Перестук колес стихает. Садятся.

Николай. Серпухов.

Елена Сергеевна. Лучше бы выпили за Мишино здоровье.

Виктор (*закусывая*). Всему свой черед. (*Николаю*.) Ну что ты ерзаешь?.. Ладно, иди перекури, пока стоим.

Николай открывает двери, и сразу становится слышен приближающийся крик
Проводника: «Телеграмма! Булгахтеру! Булгахтеру телеграмма!»

Булгаков. Это не булгахтеру, а Булгакову...

Пауза.

Николай (*в коридор*). Сюда, сюда телеграмма!

Проводник (*в дверях, Николаю*). Вы, гражданин, булгахтер?

Николай. Булгаков.

Проводник (*сверяется*). Точно. Получите. И распишитесь. Вот здесь.

Виктор (*Николаю*). Дай сюда!

Отбирает телеграмму и передает Елене Сергеевне. Она молча читает.

Лена, что?

Елена Сергеевна. «Надобность поездке отпала возвращайтесь Москву
Баринов».

Пауза.

Николай. Что значит — отпала?

Эразм. Отпала — и отпала. Сколько стоим?

Проводник (*принимая от Николая чаевые*). Десять минут.

Выходит.

Эразм. Немедленно собираем вещи и выходим.

Выходит.

Виктор. М-да... Если б не этот... можно сказать было б — не получали... (*Выпивает рюмку*.) Придется возвращаться.

Выходит.

Николай. Вам помочь?

Елена Сергеевна. Спасибо, мы сами. Идите.

Николай выходит.

Булгаков. Люся. Это судьба. Но почему — бухгалтер?

Елена Сергеевна. Что с тобой, Мишенька?

Булгаков. Неприятный свет. Почему — Баринов?

Елена Сергеевна. Я задерну штору. Так лучше?

Булгаков. Спасибо, Люся. Понимаешь? Еще шесть дней. Отдерни штору, темно.

Елена Сергеевна. Да что ты, Миша: вздорная женщина наплела бог знает что...

Эразм (*появляясь в дверях, с чемоданом*). Почему вы не собираетесь? Что с Мишей?

Елена Сергеевна. Мы едем дальше.

Эразм. Но телеграмма...

Елена Сергеевна. Мы едем просто отдыхать.

Эразм. Ну... вы частное лицо... конечно, как хотите... а мы ведь в командировке... так что... нам пора.

Исчезает. В дверях показывается Виктор, также переодевшийся и с чемоданом в руках.

Виктор. Вы остаетесь? Правильно. Эх, не доели, не допили, все бросили, побежали... Береги Мишу, а мы уж разберемся, что к чему — на месте, — и вам дадим знать сразу. Привет!

Исчезает. На пороге — Николай.

Елена Сергеевна. Мы остаемся. До свидания. Бегите, поезд трогается.

Николай. До свидания, Елена Сергеевна. До свидания, Михаил Афанасьевич.

Исчезает. Учащающийся стук колес.

Елена Сергеевна. Вот и все.

Булгаков. Некролог — это был знак.

Елена Сергеевна. Да что с тобой?

Булгаков. Задерни штору. Глаза режет. Одно хорошо — обо мне не напишут теперь: награжден за портреты вождей. В некрологе.

Елена Сергеевна задергивает штору, и сразу становится темно, только слабый свет падает на фигуры лежащего на диванчике Булгакова и сидящей в изголовье Елены Сергеевны. Тут заканчивается пролог, и начинается

ВИДЕНИЕ ПЕРВОЕ

Купе теряет свои очертания. Стук колес становится звонче и начинает походить на тиканье часов. Затем часы коротко бьют, и все смолкает. В сгустившейся тьме возникает странная фигура, похожая на зловещую птицу: это доктор Пургон. Он одет в широкую черную мантию с длинными рукавами и черный колпак, на лице у него маска с чудовищно длинным носом и огромными, как блюдца, очками. В руках большая резиновая клизма.

Пургон (*принюхиваясь*). Покойником пахнет. (*Булгакову*.) Сударь, кто здесь недавно умер?

Принюхивается.

(*Булгакову*.) Э-э, да вы невежа, сударь. Мои пациенты, достойнейшие люди, царство им небесное, считали за честь отвечать на вопросы, кои задавал я (*повышая*

голос), величайший из лекарей (*кричит*), доктор Пургон!! (*После паузы, тихо.*) Э-э, да вы не только невежа, вы еще и невежда.

Пауза. Осторожно подходит к Булгакову. Принюхивается. Берет его за руку.

(*Важно.*) Пульс редкий, сухой, нездоровый. Сударь, я должен открыть вам печальную истину: вы больны, сударь! Вам повезло. Ибо здесь я, величайший из лекарей, доктор Пургон! Вы должны питать ко мне полное доверие и радоваться, ибо только я могу верно распознать вашу болезнь, назначить лечение и довести его до желанного конца. Для начала я должен исследовать вашу мочу.

Берет со столика бутылку с коньяком и смотрит на свет.

Э-э! Гипостаз нехорош. Да, вы больны. (*Отпивает.*) И сублимия нехороша. Да, вы больны.

Берет со стола кусочек балыка и смотрит сквозь него на свет.

Э-э, да вы ели соленое?! (*Жует.*) Боже вас сохрани. Это вам не полезно. (*Смотрит на стол.*) Как, и жирное?! (*Берет кусочек, жует.*) Избави бог! Вам необходим щадящий режим.

Набирает в клизму минеральной воды и пускает струю себе в рот. Сидит, обдувает себя из клизмы.

Жарко, однако. Сударь, я должен открыть вам печальную истину: у вас удар. — Вы чувствуете слабость в ногах? — Удар. — Легкое головокружение? — Удар. — Приступ меланхолии? — Удар. — Вам повезло. Вы смертельно больны. Я лечу лишь смертельно больных. Простые случаи мне не интересны. Ну что ж, для начала сделаем вам легонький клистирчик, чтобы очистить желудок от тяжелой и вредной пищи, после клистирчика — небольшое кровопусканьице, чтобы вызвать отток лишней крови, после кровопусканьица — полосканьице...

Бул г а к о в. Довольно.

Пур г о н. Нет, не довольно! Невежа. Но самое главное — вам нужна перемена воздуха. Поезжайте на воды. Экс-ле-Бен, Баден-Баден, Карлсбад...

Бул г а к о в. Ваша шутка слегка затянулась. Вы здесь не за этим.

Пур г о н. Но позвольте! С болезнью не шутят. Вы смертельно больны. Это так же верно, как то, что я — величайший...

Бул г а к о в. Шарлатан.

Пур г о н. Прав, прав Гиппократ: *Noli mittere margaritas...* перед свиньями.

Бул г а к о в. Оставим медицину в покое.

Пур г о н. Невежда.

Снимает с себя маску, колпак и мантию и остается в напудренном парике, расшитом камзоле, панталонах, чулках и башмаках с большими пряжками: это М о л ь е р. Одежду врача он бросает на столик и затем отталкивает его в темноту.

(*Другим голосом.*) Неужели я так безобразно играл? Вот что значит — два с половиной столетия без ангажемента. Полная потеря квалификации. Волнение, волнение. Перегорел. Но как ты узнал меня? Впрочем — ведь мы же актеры, а значит — провидцы. Писатели — значит, пророки. Не правда ли, мон ами?

Булгаков. Я не пророк.

Мольер. Это очень разумно. Время пророков прошло. Нынче они исчезают быстро и незаметно, без суда, без процессий, без своих земных и небесных дел. Нет, мы не годимся в святые. Путь писателя — путь унижений. Распахни перед публичной душой — и станешь ей интересен; покажись ей корыстным, завистливым, грубым — и она тебя отличит; но не дай тебе бог снять маску шута: засмеют. Блаженны писатели, нищие духом, ибо их гонорары известны.

Булгаков. Я не писатель. И не блаженный. И не считаю нужным зависеть ни от публики, ни от ... (Указывает вверх.)

Мольер. Напрасно. Мы нуждается в Боге не меньше, чем он нуждается в нас.

Булгаков. Нет, я имею в виду не Бога!

Мольер. Я тоже. Я знал Людовика. Я не был самым изысканным попугаем Версаля, но я был говорящим попугаем. Божественный Людовик снисходил до беседы со мной. Что может сказать попугай? То, чему его научат. Людовик знал, чему нас учить. Он учил нас вере. Вера рождает богов, не так ли? Он нас кормил. Он был залогом нашей жизни. Нашего бессмертия! Славнейший из всех земных королей, зависть от него — разве это не было счастьем? Несчастьем становилась именно независимость. Свободный безбожник свободно подышал в безвестности. Мон ами, не зависимость от монарха угнетает нас, а лишь отсутствие внимания с его стороны.

Булгаков. Ну... и как же завоевать это внимание?

Мольер. Ждать.

Булгаков. Долго?

Мольер. Пока не установится благоприятное сочетание звезд. Видишь: Юпитер в одной фигуре с Сатурном, что означает болезнь и разлитие черной желчи. Планета актеров, Луна, спустилась верхними воротами в дом смерти. В зените кровавый Марс, покровитель воинов и палачей. Но лишь только взойдет переменчивый Меркурий, вот тогда...

Булгаков. Довольно. Оставим в покое пророчества. Что с моей пьесой?

Мольер поднимается со стула и словно становится выше ростом. его расшитый камзол начинает сверкать золотом и драгоценными камнями. На голове у него оказывается широкополая шляпа с плюмажем, в руках — шпага в золоченых ножнах, на которую он опирается, как на трость. Лицо вытягивается, нижняя губа капризно оттопыривается: это молодой Король - Солнце.

Король - Солнце. Вы сумели понравиться. Вам будут оказаны знаки внимания. За исключением нескольких слов, которые вы удалите, в целом пьеса произвела самое благоприятное впечатление.

Булгаков. Какие же слова я должен удалить?

Король - Солнце. Совершенно лишние слова: «демон проклятый», «черт» и «черный дракон». Согласитесь, без них пьеса будет гораздо приятней и, так сказать, цельнее.

Булгаков. И все-таки я предпочел бы оставить их.

Король - Солнце. Не сомневаюсь. Вы, Булгаков, напрасно пытались подражать господину Мольеру. Безусловно, он человек высокоталантливый и мастерски пользовался лестью, скрывая в ней жало иронии. Но против кого обращал он эти отравленные стрелы? Против своего господина и покровителя. Конечно, я не требовал от него слов признательности — что возьмешь с шута. Славнейший из всех земных королей умел прощать своим подданным их пороки и слабости. Величие снисходительно к низменному — оно находит в унижении запретный для себя плод.

Пауза.

Булгаков. Хорошо. Я вычеркну указанные вами слова.

Король - Солнце (*пристально посмотрев на него, после паузы*). Вы совершенно правы. Это ничего не изменит. И потому пьеса к представлению допущена быть не может. Но вы у нас не просто драматург, вы либреттист. Вы превратите пьесу «Батум» в оперу. «Жизнь за вождя» — надеюсь, не слишком вызывающе? Я охотно сыграю в ней главную роль. Люблю трагифарсы, особенно те, где есть хор и балет. Найдите в ней роль и для себя. Сыграйте. И постарайтесь выиграть.

Часы бьют. Их бой незаметно переходит в звон колоколов и рев симфонического оркестра, играющего вариации на тему «Славься» Глинки. Сцена гаснет, и на этом видение первое заканчивается, и начинается

ВИДЕНИЕ ВТОРОЕ

Пространство сжалось до размеров гримерной в недрах Большого театра. Гримировальный столик, вертящийся стул, через спинку переброшен синий рабочий халат. Кушетка, шкаф и т. п. В углу ведро с водой и швабра с тряпкой. На стене — репродуктор, и именно оттуда доносятся звуки музыки: сегодня, в день юбилея Генерального секретаря, впервые идет опера по мотивам пьесы «Батум». Сам автор либретто сидит за столиком и от нечего делать примеряет к себе различные детали грима. Спектакль подходит к концу. Слышны заключительные фразы:

Бас (*с грузинским акцентом*). Нет, ни за что! Не отойду я от огня! Пусть тысяча жандармов придет — не встану... Я посижу...

Тенор. Что нам с ним делать?

Сопрано. Оставь! Оставь его! Пусть спит.

Тенор. Отец пришел.

Баритон. О, что я вижу? Не может быть! Сосо вернулся?! Живой?

Сопрано. Живой!

Тенор. Бежал он из Сибири.

Вместе. И с ним заря свободы к нам пришла!

Бурный финал, тонущий в овации. Крики «браво!» и «бис!» сливаются в сплошной рев. Сквозь шум пробиваются команды Режиссера.

Голос Режиссера. Солисты — на сцену! Свет в ложу правительства! Больше света! Выруби боковой, идиот! Не слепи глаза. Занавес! Солисты — еще раз! Приготовиться хору. Всех из буфета назад! Нашли время, кретины. Занавес! Хор — на сцену! Приготовиться мимансу. Солисты, не расходитесь, сейчас опять пойдете. Занавес! Солисты — на сцену. А где либреттист? Где Булгаков? Эй, кто там свободен, разыщите Булгакова.

При этих словах Булгаков начинает метаться в поисках укрытия и обнаруживает ведро и швабру. Возвращается к столу, накидывает на плечи халат, надевает парик, повязывает голову платком и становится чрезвычайно похож на старушку уборщицу. В последний момент догадывается подкатить штанины.

А, черт! Занавес! Оркестр поднимите. Что, композитор остался? Кланяется? Кретины... Гримеры и костюмеры — на сцену! Приготовиться суфлерам и бутафорам.

Солисты, не расходитесь, сейчас опять пойдете. Нашли Булгакова, я вас спрашиваю? Занавес! Суфлеры и буталофоры — на сцену! Да втащите сюда этого идиота! Он все кланяется? Приготовиться солистам...

Насвистывая, входит Мстислав Лаврович, молодой человек во френче военного образца, в сапогах, но без фуражки. Булгаков начинает заниматься «уборкой» (и будет заниматься ею еще долго: перетирать по пять раз одно и то же зеркало, переворачивать стулья, мыть пол, елозя шваброй по чужим ботинкам, и вообще хулиганить).

Занавес! Солисты — на сцену! Приготовиться машинистам и осветителям...

Входит Рабочий сцены с цветами — корзины, букеты, вазоны и т. п.

Рабочий. Помогите-ка... Еле доволок, и на сцене еще столько осталось, а они все несут и несут. И это в декабре! Откуда в декабре столько цветов?

Голос Режиссера. Занавес! Машинисты и осветители — на сцену! Приготовиться рабочим сцены.

Рабочий. Вот и моя очередь подошла. (Булгакову.) Не зевайте: после нас уборщицы пойдут.

Уходит.

Голос Режиссера. Занавес! Все на сцену! Приготовиться всем, кто еще не выходил!

Хрипит и замолкает.

Мстислав (рассматривает и читает надписи на лентах). «Талантам от поклонников». (Записка в букете.) «Петенька! Ты душка. Целую. Угадай кто». (Булгакову.) Бабка, не пыли так!.. «ГАБТу от ОГПУ». Гм... «Отъ московскихъ мѣщанъ... Императорскому Большому тѣатру... 1839 годъ».

Входят критик Савва Лукич и молодой Композитор с букетом цветов в руках и обалдением на лице.

Савва Лукич. Неслыханный успех! Народ и правительство устроили настоящую овацию товарищу Сталину. Коленька, ты гений. Попомнишь мои слова: ты затмишь Моцарта и Чайковского. За неполных два месяца сочинить, разучить и сыграть! И какую оперу! Да он просто стахановец от рояля; здравствуй, Мстислаша. Николай, познакомься: Мстислав Лаврович, наш выдающийся романист и драматург.

Композитор. Очень приятно. Коля.

Савва Лукич. Какой Коля? Николай Фиолетов, наш выдающийся композитор. Неслыханный успех!

Мстислав. Поздравляю от всей души. Не каждый день приходится поздравить руку гению.

Композитор. Да нет, что вы! Я уже рассказывал: ко мне пришли и сказали: нужна опера к шестидесятилетию товарища Сталина. Я говорю, да что вы, товарищи, говорю, не губите, я не умею! Я песенник, говорю, я самоучка. Они говорят: приказ. Личная просьба... сам понимаешь кого.

Савва Лукич. Вот! Я всегда говорил: только гениям свойственна такая зоркость, такое чутье на народные таланты!

Композитор. Это вы о ком?

Савва Лукич. Сам понимай о ком. Послушай, Мстислаша, а ты что здесь делаешь?

Мстислав (*отводя его в сторону*). Ну... я ведь роман написал.

Савва Лукич. Да?! Новый?

Мстислав. Ну... я один роман написал.

Савва Лукич. Значит, старый.

Мстислав. Виноват. Я акценты сместил и усилил руководящую роль.

Савва Лукич. Значит, новый.

Мстислав. Ну и... вот. Задумался.

Савва Лукич. Что если оперу по нему сделать?

Мстислав. Так точно.

Савва Лукич. Ясно. Коленька, дружок, тут к тебе автор.

Композитор. Очень приятно. Всегда готов... Чем могу...

Савва Лукич. Не спеши, родной, не спеши. Тут еще подумать надо. Авторов много, спрос на оперы большой, а гениальных композиторов — только ты да Шостакович, да и тот в последнее время не поднимается... не парит... Да, Мстислаша, тебе же еще либреттиста найти себе надо?

Мстислав. Зачем? Я и сам...

Савва Лукич. Так уж и сам. Милый мой, ты не знаешь, что такое — писать либретто. Труд каторжный, стоит дешево, и на афише фамилия — внизу мелким шрифтом. И ведь слух еще нужен.

Мстислав. Ну, слухи — это по вашей части.

Савва Лукич. Музыкальный, Мстислаша, музыкальный. Пригласи Булгакова — он уже работал с Коленькой, и видишь, какой результат!

Мстислав. Не согласится.

Савва Лукич. Согласится. Хотя, конечно, от кого уж я не ожидал, так это от него. Не ожидал! Я помню время, когда он даже не в попучиках — в буржуйских подголосках ходил, а тут и на тебе — такой успех!

Мстислав. Подсуетился.

Савва Лукич. Не скажи. Булгаков — большой талант. Попомнишь мои слова: он еще затмит Чехова и Островского.

Мстислав. И меня, Савва Лукич?

Савва Лукич. И тебя, Мстислаша, и тебя.

Появляется Рабочий с цветами.

Рабочий. Не примерная, а оранжерея какая-то. И на сцене еще столько осталось! Это уму непостижимо!

Уходит.

Композитор. А где Михаил Афанасьевич? Вы не видели Булгакова?

Мстислав. Я слышал. На поклонны его вызывали.

Савва Лукич. Да, я видел: выходил, кланялся.

Композитор. Я не видел.

Савва Лукич. Вот так руку к груди прикладывал и вот так, вот так (*кланяется*). Гордый очень.

Мстислав. Конечно, будешь тут гордым. Говорят, ему пьесу правил лично... сами знаете кто!

Савва Лукич. Чушь. Это Булгаков правил, а писал — лично...

Мстислав. Не может быть!

Савва Лукич. Раз я говорю — значит, может.

Мстислав. Да как же он осмелился — править... ведь лично... неслыханно!

Савва Лукич. А что поделывать? Приказ.

Мстислав. Приказ... ну, тогда конечно... тогда верно: затмит он и Чехова, и меня, и Островского. В репертуар войдет. За границу поедет.

Савва Лукич. Ничего не поедет. Ты смекай: отчего это бывшему буржуйскому подголосу такая честь?

Мстислав. Ну... Не знаю.

Савва Лукич. А ты поставь себя на место... лично... *(Поднимает палец вверх.)*

Мстислав *(багровея)*. Да вы что! Вы думаете, что говорите? Меня — на место... *(Поднимает палец вверх.)* Это вас нужно на место поставить! Я давно уже замечал — провокатор! Меня — на место... Это... антисоветская агитация, статья пятьдесят восьмая!

Савва Лукич. Дурак ты, братец! Первой статьи дурак, хоть и романист.

Мстислав. Савва Лукич, Савва Лукич! Постойте!.. А может быть... того... Булгакова перековывают?

Савва Лукич. Вот. То-то и оно. Я всегда говорил: только гениям свойственна такая вера в массы. А теперь все зависит от этого: либо он оправдает доверие, перестанет вредить и станет честным советским драматургом, либо... сам понимаешь что.

В гримерную входит... Сталин.

Сталин *(с акцентом)*. Что такое? Где творец этой замечательной оперы? Почему от меня скрылся?

Мстислав. Здравия желаю, Иосиф Виссарионович!

Савва Лукич. Здра-ва-ва-ва...

Сталин. Я-то здоров, а что с моим композитором?

Мстислав. Не извольте беспокоиться, Иосиф Виссарионович, он здесь!

Композитор. То-ва-ва-ва-ва...

Сталин. Так я и думал... заболел! *(Вдруг меняя голос, без акцента.)* Сволочь ты, а не композитор. Я же говорил, что на слове «прокламация» петуха пушу! А ты мне: верхнее «фа», верхнее «фа»...

Отклеивает усы, садится к столику и начинает разгримировываться, постепенно превращаясь в Солиста.

Композитор. Ва-ва-ва...

Соллист. Воды ему, живо!

Булгаков-уборщица окатывает композитора из ведра.

Это ж премьера все-таки. Я волнуюсь, а когда я волнуюсь, верхнее «ми» — мой верхний предел.

Савва Лукич. Уф... Петруша... родной... ты ж меня чуть в могилу не свел.

Соллист. Туда вам и дорога.

Савва Лукич. Что ж ты сделал-то с нами?..

Солист. А не шляйтесь по чужим гримерным. (*Бросает Композитору полотенце.*) На, утрись, пока не простудился.

Савва Лукич. Что значит — шляйтесь? У меня задание редакции. Буду писать рецензию на спектакль.

Солист. Валяйте, пишите. Бурная овация. Море цветов. Двадцать три раза занавес давали. Да не забудьте отметить, что я петуха пустил из-за этого подлеца.

Савва Лукич. Петруша, господь с тобой, какой петух?!

Солист. А вот такой (*поет*): «Проклама-ация». Слыхали?

Савва Лукич. Слыхал. Прекрасное «фа».

Солист. Не «фа», а петух на «ми». Э, да что с вами толковать. Рецензия-то небось заготовлена?

Савва Лукич. Заготовлена, Петруша, да еще к тому же в двух экземплярах: одна положительная, а другая — отрицательная...

Солист. Ну, так выберите одну и несите в редакцию.

Савва Лукич. А ежели я отрицательную выберу?

Солист. Сделайте одолжение! Одним паразитом меньше станет.

Савва Лукич. Это каким же паразитом?

Солист. А рецензентом Саввой Лукичом.

Савва Лукич. Ты сегодня что-то не в духе, Петруша. Премьера, трудный день. Я, пожалуй, пойду. Мне в редакцию надо еще забежать. Коленка, до завтра. Счастливого, Мстислаша. Запомни: в либреттисты — только Булгакова. Общий оревуар.

Уходит. Пауза.

Мстислав (*Солисту*). Позвольте выразить вам свое восхищение. Не каждый день приходится слышать гениальное исполнение.

Солист. Так уж и гениальное. А верхнее «фа»?

Мстислав. Никак нет. «Фа» было на высоте. Плюньте вы на него. Композитор халтурит, а певец — расхлебывай? Попомните мои слова: вы еще затмите... этого...

Солист. Шаляпина.

Мстислав. Никак нет... Как можно! (*Шепотом.*) Он же ренегат, и вообще...

Солист. Ну так кого же? Лаблаша? Галли? Пинца?

Мстислав. Так точно, всех затмите!

Входит Рабочий — на этот раз без цветов.

Рабочий. Таскал сюда, а теперь говорят — назад тащи. Ну-ка подсобите. Горшки — в фойе. Корзину в Музей театра: исторический экспонат, говорят. (*Композитору.*) А этот букет верните. Это не ваш, это меццо-сопранин...

Композитор. Не отдам!

Мстислав. Отдайте. Зачем он вам?

Композитор. Женщине подарю.

Солист. Жене?

Композитор (*краснея*). Нет. Я холостой.

Мстислав. Невесте?

Композитор. Ах, боже мой, какая разница? Просто женщине. Любой. Хочу дарить женщинам цветы!

Мстислав. Вот и подарите их меццо-сопране.

Композитор. Ей не хочу. Она стерва. Она, когда поет, икает.

Мстислав. Как икает?

Композитор. Вот так: «И-если он взглянет — и-сердце забьется...» Меня молодкосом обозвала. Чем ей, так лучше уборщице подарю. Женщина, возьмите цветы.

Булгаков. Нет, нет...

Композитор. Но почему? У меня сегодня праздник... Я композитор...

Солист. Ну, чего к бабке пристал?

Булгаков (*берет букет*). Спасибо, касатик. Прямо не знаю, что и сказать-то тебе... Это так необычно для меня. Ведь ты, касатик, первый мужчина, который мне цветы-то подарил...

Солист. Коленька, смотри, как бы она в тебя не втюрилась! Тогда ты, как честный человек...

Композитор в ужасе пятится к двери и наталкивается на входящую Уборщицу. Она одета в точности так же, как и Булгаков, в руках у нее ведро, швабра и цветы. Немая сцена.

Солист. Что за черт! То ни одной не дозовешься, то целой бригадой являются, и выпроводить их невозможно!

Уборщица (*глядит вокруг*). Чистая работа!

Появляется Елена Сергеевна, проходит через толпу и на глазах у изумленной публики обнимает и целует Булгакова. Рабочий роняет цветы.

(*Ошеломленно.*) А это еще почище будет!

Елена Сергеевна. Худрука с главрежем вызвали в правительственную ложу. Леонтий мне обещал: он поговорит... понимаешь? И даст знать, если что (*снимая с Булгакова косынку и парик*). Господи, ну на кого ты похож!

Булгаков. На уборщицу, нет?

Елена Сергеевна. Нет. На Степку-растрепку. Сними этот жуткий халат. Тебя ни на минуту нельзя оставить одного.

Булгаков. Твоя минутка прекрасно растянулась до получаса.

Елена Сергеевна. Пустяки. Маленькие женские хитрости. Чем больше мы растягиваем минутки, тем дольше длится наша молодость. Я права, Коленька?

Композитор. Вы всегда правы, Елена Сергеевна, и всегда очаровательны. Только я чего-то не понимаю... Михаил Афанасьевич, здравствуйте!

Булгаков. Здра-авствуйте. Только мы сегодня уже виделись.

Композитор. А почему вы... в этом?

Булгаков. Не знаю. Как-то невольно получилось.

Композитор. Вы простите, что я так глупо... с цветами... Я же искренне...

Булгаков. Да, да — я верю. Простите и вы меня. Сознаю, это ребячество...

Солист. Бросьте, Михаил Афанасьевич. Правильно сделали. Пусть думают, что говорят за глаза. Здесь Театр! Игорный дом! Вам бы к вашему артистическому талланту да еще голос... этакий шляпинский бас...

Мстислав. Тс-с... Как можно! Он же ренегат... И вообще...

Булгаков. Басом Бог обделил, но баритон кое-какой имеется. И уж верхнее «фа» я, по крайней мере, возьму. Будьте благонадежны.

Солист. Да ну?

Булгаков. Что — ну? Хотите пари?

Солист. Ставлю мою карьеру против вашего гонорара — не возьмете.

Булгаков. Идет. Сделайте одолжение, расступитесь. (*Откашливается.*) «Прокламация»... (*Голос срывается.*)

Солист. Ага! Чистое «ми»! Я же говорил — это «фа» здесь сам ангел госпо-
день не вытянет.

Булгаков. «Прокламация» виновата. Эта «прокламация» даже в разговоре с тру-
дом произносится, а петь ее — просто насилие над голосом и слухом.

Солист. Одобряю самокритику. Вы автор либретто, все претензии к самому се-
бе. Гоните гонорар.

Булгаков. Ну зачем «прокламация»? (Поет.) «Сатана там прав...» Вот! «Сата-
на там пра...» Вот! Съели! «Сатана там пра!..» «Сатана там прав!..»

Елена Сергеевна. Тише, Миша, Миша, тише!

Рабочий, снова взвалив на себя ворох цветов, устремляется к двери и налета-
ет на входящего Главрежа. Цветы вновь падают на пол.

Главреж. Приятно видеть вас, Михаил Афанасьевич, в таком отличном распо-
ложении духа.

Елена Сергеевна. Леонтий Петрович, дорогой, ну, рассказывайте скорее,
что там?

Главреж. Там? (Садится.) Там все прекрасно. Все очень довольны. Спектаклем.
Много приятных слов. Очень хвалили музыкальное решение. Слышите, Николай? Го-
ворили, в музыке есть размах. И ширь. Ширь... и размах. Вот. Сценография понрави-
лась. Особенно второй акт и финал. Говорили, сила есть. И стремительность действия.
Да, стремительность... и сила. Солисты тоже выше всяких похвал. Петю отметили. Го-
ворили, незабываемый образ. Масштабный образ. Загнивание самодержавия отмети-
ли. Очень содержательная беседа была. Я до сих пор под глубочайшим впечатлением.

Елена Сергеевна. Ну, а про Мишу, про Мишу что говорили?

Главреж. Да что говорили... Ну да. Стремительность действия похвалили. Заслу-
га Михаила Афанасьевича. Прекрасное либретто.

Елена Сергеевна. И все?

Главреж. Ну почему. Пожелали всем творческих успехов.

Елена Сергеевна. И все?

Главреж. И ушли.

Елена Сергеевна. Леонтий Петрович, вы же обещали!

Пауза.

Вы же обещали рассказать товарищу Сталину о Мишином бедственном положении.

Главреж. Помилуйте, Елена Сергеевна! Какое же бедственное положение?
Жильем обеспечен, работает в государственном учреждении, а завистников и бездар-
ностей везде хватает, тут ему товарищ Сталин не поможет. А что касается загра-
ницы и прочего... рано еще о чем-то говорить. Антр ну суа ди, Михаил Афанась-
евич сделал пока только первый шаг к творческому постижению нашей революци-
онной действительности. Ему еще нужно доказать, что шаг этот сделан не случайно,
а обдуманно и целеустремленно. Сделайте второй шаг, Михаил Афанасьевич, под-
твердите ваши добрые намерения новым, современным, социалистическим либрет-
то — и я непременно исполню свое обещание. А пока... увы... прошу меня простить.
Меня ждут. Боже, как я устал.

Идет к дверям. Останавливается. Оборачивается к Булгакову.

Почему вы не вышли на поклонь?

Пауза. Выходит.

Мстислав. Михаил Афанасьевич, позвольте вам напомнить... Мстислав Лаврович. (*Протягивает руку.*)

Булгаков (*не подавая руки*). Я вас очень хорошо помню.

Елена Сергеевна. Миша, держи себя в руках...

Мстислав. Ведь вы же все слышали... не каждый день приходится общаться с гениальным либреттистом...

Булгаков. Короче. Вы хотите предложить мне писать либретто по вашему роману?

Мстислав. Так точно. Ведь вы же все слышали.

Булгаков. Нет.

Мстислав. Не все?

Булгаков. Не буду.

Мстислав. Почему? Вам не понравился мой роман?

Булгаков. Не читал.

Мстислав. Так прочтите.

Булгаков. Не хочу.

Мстислав. Но подумайте — ведь это могло бы стать вторым вашим шагом.

Булгаков. Шагом — куда?

Мстислав. Вперед.

Булгаков. Шагом марш. Это я вам, вам говорю: шагом марш! Вон отсюда, если вам так понятнее...

Елена Сергеевна. Миша!..

Мстислав. Виноват...

Булгаков. Нет, ну так я сам уйду.

Быстро идет к двери.

Елена Сергеевна. Миша, стой!..

Устремляется вслед за ним. В дверях они сталкиваются с неудачливым Рабочим, который снова роняет свои цветы и застывает в отчаянии, глядя вслед ушедшим. Пауза.

Уборщица (*укоризненно*). Нельзя, товарищи, так бросаться кадрами. Вы подумайте, какая из него могла бы выйти уборщица!

Затмение. Видение второе закончилось; но тут же вспыхивает прожектор, и начинается

ВИДЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В луче света появляется Секретарь.

Секретарь (*читает*). «Уважаемые товарищи! Мы считаем своим долгом ходатайствовать перед вами об оказании неотложной помощи драматургу Булгакову Михаилу Афанасьевичу, автору известной пьесы „Дни Турбиных“.

Несмотря на честную и плодотворную работу т. Булгакова в ряде ведущих академических театров страны, его творчество в течение долгого времени подвергалось

в печати несправедливой и злобной критике со стороны лиц, впоследствии разоблаченных как идеологические диверсанты и враги своего народа.

Просим вас проявить участие в судьбе т. Булгакова и разрешить ему выехать за границу сроком на полгода». Подписано... всего двадцать три подписи.

Луч света перебегает на Управляющего. Это бесполое существо в мужском, широко, мешковато сидящем костюме, с бесстрастным лицом и бесцветным голосом.

Управляющий. Я что-то не совсем понял: зачем ему ехать за границу? Он опасается врагов? Но мы сумеем его здесь защитить. К тому же полгода — слишком большой срок. Я думаю, мы должны ходатайство отклонить. Как вы считаете, товарищ референт?

Луч прожектора высвечивает Референта.

Референт. Меня тоже удивляет необоснованность просьбы. Товарищ секретарь, там нигде нет приписки?

Луч возвращается к Секретарю — и так далее.

Секретарь (*вертит письмо*). Нет. Впрочем, я счел необходимым опустить не относящиеся к делу фрагменты.

Управляющий. Так не годится. Надо больше доверять людям. Надо стремиться учесть все их пожелания. Читайте.

Секретарь. Здесь немного. «К сожалению, все это не могло не отразиться на его здоровье. Развилась нейростения, ухудшилась работоспособность, появились признаки прогрессирующего склероза почек». И еще. «По мнению квалифицированного специалиста профессора Стравинского, если в течение ближайших двух месяцев не будет проведено специальное клиническое лечение с применением отсутствующей пока в советских клиниках аппаратуры, то изменения в организме больного окажутся необратимыми, и это неминуемо приведет к летальному исходу».

Управляющий. Это очень, очень печально. Но что значит — аппаратура, отсутствующая ПОКА в советских клиниках? Это упрек или пожелание? Как вы думаете, товарищ референт?

Референт. Я думаю, это заявление клеветническое и порочащее советскую медицину. Однако оно может быть рассмотрено и под совершенно иным углом зрения, если вопрос поставить так: а нужна ли советским клиникам такая аппаратура? И может ли зарубежная аппаратура помочь советскому больному? Неужели они там лучше знают, как нужно лечить наших больных? И почему, собственно, они считают, что у нас должны быть больные? Лично я здоров. Товарищ управляющий также вне подозрений. Товарищ секретарь, как вы себя чувствуете?

Секретарь. Великолепно.

Референт. Вот видите! Пульс?

Секретарь. Без перебоев.

Референт. Внутренние органы?

Секретарь. В норме.

Референт. Головокружение не беспокоит?.. От успехов?

Секретарь. Прошло.

Референт. А от неудач?

Секретарь. Пройдет.

Референт. Хорошо. Будьте бдительны.

Управляющий. Больной — находка для врага.

Референт. Больной подрывает обороноспособность страны.

Управляющий. Больной ослабляет систему здравоохранения.

Референт. Больной дискредитирует усилия партии, направленные на создание гармонически развитой личности.

Управляющий. Больной саботирует меры правительства по оздоровлению общества.

Референт. Ведь кое у кого даже может возникнуть мысль: а так ли хорош тот строй, при котором люди болеют, а тем более — умирают?

Секретарь. Так что же делать: сажать за болезнь, как за антисоветскую агитацию, статья пятьдесят восьмая?

Управляющий. Нет, на это мы пойти не можем. Мы должны дать возможность каждому больному осознать свой долг перед партией и народом и честно решить, с кем он: с живыми или с мертвыми. К этому мы идем, к этому мы стремимся. Поэтому я считаю, мы должны ходатайство... поддержать. Ваше мнение, товарищ референт?

Референт. Я полагаю, нам не следует торопиться. Ведь, в сущности, что мы знаем об этом Булгакове? Что его ругали. Но нет дыма без огня. Если ругали, значит, было за что, а раз было — он уже не безвинно пострадавший, а понесший заслуженное наказание. Что еще? Он болен. У него ухудшилась работоспособность. Но кто может поручиться, что после лечения его работоспособность восстановится?.. Государство, конечно, у нас богатое, но зачем поощрять иждивенческие настроения? Это обидно трудящимся. Кто не работает — пусть не ест. Так что нужно еще побеседовать с ним лично, а уж потом решать, поддержать нам ходатайство или отклонить.

Управляющий. А где Булгаков?

Секретарь. Он здесь, ожидает вызова.

Управляющий. Пусть войдет.

Входит Елена Сергеевна. Луч света замирает на ней. Остальные оказываются скрытыми во тьме.

Булгаков Михаил Афанасьевич?

Елена Сергеевна. Я его жена.

Управляющий. Мы вызывали жену?

Секретарь. Нет.

Управляющий. Пусть жена выйдет и подождет за дверью. Пригласите Булгакова Михаила Афанасьевича.

Елена Сергеевна. Михаил Афанасьевич болен. Он прикован к постели. Он не может прийти. Я его жена.

Управляющий. Ну что ж, ничего не поделаешь, придется отложить вопрос до его выздоровления.

Елена Сергеевна. Если вы отложите вопрос, он никогда не выздоровеет. Он умрет!

Управляющий. Это очень, очень печально. Но установленный порядок есть установленный порядок. А порядок установлен не нами. Как вы считаете, товарищ референт?

Референт. Я полагаю, жена не только может, но и обязана отвечать за своего мужа. Пусть отвечает.

Управляющий. Хорошо. Товарищ секретарь, какие у вас вопросы к гражданину Булгакову?

Секретарь. Булгаков Михаил Афанасьевич, где и когда вы родились?

Елена Сергеевна. В Киеве, в 1891 году.

Секретарь. Происхождение?

Елена Сергеевна *(после паузы)*. Семья профессора...

Секретарь. Профессора Духовной академии, не так ли? Основной род занятий до Октябрьской революции?

Елена Сергеевна. Студент. Служил врачом в земстве.

Секретарь. В советское время?

Елена Сергеевна. Литературная работа. Работал режиссером во МХАТе, либреттистом в Большом...

Секретарь. Достаточно. А во время Гражданской войны?

Елена Сергеевна. Врачебная практика в Киеве...

Секретарь. И служба в Добровольческой армии?

Пауза.

Елена Сергеевна. Если б эта служба была добровольной! Отступая, они просто мобилизовали всех врачей...

Секретарь. Достаточно, у меня все.

Управляющий. Товарищ референт, какие у вас будут вопросы к гражданину Булгакову?

Референт. Вы, гражданин Булгаков, говорите, что прикованы к постели. Вы даже не смогли явиться на наше совещание. Как же вы собираетесь ехать — один, в иной мир, где у вас нет, надеюсь, ни знакомых, ни друзей?

Елена Сергеевна. Его буду сопровождать я.

Управляющий. Я что-то потерял нить разговора. Кто кого будет сопровождать?

Елена Сергеевна. Я, Елена Сергеевна Булгакова, буду сопровождать моего мужа, Михаила Афанасьевича.

Референт. Но позвольте, об этом в письме ни слова!

Елена Сергеевна. Без меня он никуда не поедет. Без меня он даже не выходит на улицу. Он боится.

Управляющий. В нашей стране ему нечего бояться.

Елена Сергеевна. Это какой-то иррациональный страх.

Управляющий. В нашей стране не может быть ничего иррационального.

Елена Сергеевна. Он никуда меня не отпускает от себя.

Референт. А как же он отпустил вас на наше совещание?

Елена Сергеевна. Он говорит, у меня счастливая рука. Отказ его убьет.

Управляющий. Это очень, очень печально.

Елена Сергеевна. Я обращаюсь к вашей гуманности.

Управляющий. Это излишне. Как вы находите, товарищ референт?

Референт. Я полагаю, наше решение должно быть обдуманым и справедливым.

Управляющий. Еще более обдуманым и более справедливым?

Референт. Нет, этого достаточно.

Управляющий. Хорошо. Считаю обсуждение закрытым. Нельзя разбазаривать кадры. Постановляю: ходатайство группы товарищей... поддержать и выезд за рубеж Булгакова Михаила Афанасьевича в сопровождении жены с целью прохождения им курса лечения разрешить. Подпись. Число. 1940 год.

Затемнение. Перестук колес. Конец видения третьего и маленький антракт.

ВИДЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Палата в частной клинике. Застеленная кровать, столик, шкаф. Из репродуктора на стене звучит музыка — «Тангейзер» Вагнера, затем смолкает, и диктор начинает что-то быстро говорить по-немецки. Входит Сиделка. Проходит по комнате, наводя порядок, потом выключает радио и подходит к столику. Быстро просматривает какие-то тетради, перетряхивает книги. Подходит к кровати, ощупывает одеяло, поднимает подушку, проводит рукой под матрасом. В этот момент входят Булгаков в светлой большой пижаме и доктор Кубик. Сиделка поправляет одеяло и отходит к двери.

Доктор Кубик (*продолжая разговор*). Доктор Новакова сама мне сказала это.

Булгаков. Доктор Новакова милая женщина, но вы забываете, что я тоже медик. Мне стало хуже, гораздо хуже.

Доктор Кубик. Из этого только следует, что медик вы никудышный. Все анализы однозначно показывают улучшение, а вы говорите — хуже. Это внушение, отрицательное внушение. Вы сами внушаете себе плохое самочувствие. И я, психиатр с мировым именем, не могу с вами справиться! Вы хотите, чтобы меня лишили места? Вы же не желаете лечиться. Вы желаете оставаться больным. А кому сейчас нужны безработные психиатры, хотя бы и с мировым именем? Весь мир сошел с ума, и никто не желает лечиться! Я пойду с протянутой рукой — в хироманты. Каждый сумасшедший, дорвавшийся до власти, первым делом уничтожает всех психиатров! (*Замечает Сиделку.*) Na co řecáte, pani ošetřovatelko?

Сиделка. Přeboha promiňte, pane doktore. Господин Булгаков, к вам двое господ русских. Они просят о разговоре.

Булгаков (*побледнев*). Нет!

Сиделка. То иные господа.

Доктор Кубик. Pan Bulgakov potřebuje odpočinek. Necht' počkají.

Сиделка. Polouchám, pane doktore.

Выходит.

Доктор Кубик (*как бы не замечая испуга Булгакова*). Русских здесь много. По вечерам собираются в двух-трех кафе — в «Сан-Суси» и в «Оттаве» — и спорят до изнеможения. Новых идей нет, зато есть старые идейные разногласия. Одни за Россию без большевиков, другие кричат, что большевиков в России уже не осталось, зато остался НКВД, и это еще хуже. Эти двое внизу, господа русские, тоже небось уже таскают друг друга за лацканы. Характерно, что немцы пока их не трогают. Большая политика! Как вы находите? (*Пауза.*) наших-то болтунов они поприжали. Закрыли две газеты: крайне левую и крайне правую. Взяли нескольких демагогов и дали им возможность поработать не только языком и на благо не только отечества. Посмотрите, что из этого вышло: вместо инфляции и разрухи у нас теперь твердый порядок и твердые цены. Все довольны, а более всех господа русские. Я говорю, почему бы им не вернуться в Россию? Пусть докажут свою любовь к твердому порядку. Не хотят. Я так думаю: кто привык работать языком, работать руками уже не станет. (*Пауза.*) Да, я все забываю вас спросить: что вы ответили жене? То есть я разумею, что вы написали в ответ на ее последнее письмо? (*Пауза.*) Ведь вы получили письмо, не так ли? (*Пауза.*) Припомните, позавчера вы получили письмо. Как вам известно, мы ведем учет корреспонденции, поступающей нашим клиентам. Я хочу ознакомиться с текстом письма. (*Пауза.*) Надеюсь, вы не забыли наш уговор? Я должен знать о вас все. (*Пауза.*) Если вам неприятно, перескажите

содержание письма своими словами. (Пауза.) Мне очень не хочется делать вам замечания, но как медик вы должны пойти навстречу своему коллеге, который честно пытается выполнить свой профессиональный долг. (Пауза.) Вы не могли бы сказать мне, где находится сейчас письмо вашей жены? (Пауза.) Н-да, и психолог вы тоже неважный. Оно находится в кармане моего халата. Вот оно. С радостью возвращаю его вам. Конечно же, это копия. Никаких чудес. Прошу вас только, если вы по рассеянности бросите в камин и ее, не отчаивайтесь: вторая копия уже подшита к истории вашей болезни. Итак, поговорим о вас и вашей жене. (Пауза.) Прошу простить мне мою назойливость, но если мы не вскроем в вашем подсознании этот психический гнойник, о коренном улучшении вашего состояния не может быть и речи. Вы уже говорили мне, что обстоятельства отъезда вашей жены были вам подозрительны, телеграмму вы назвали фальшивкой, сообщение о болезни ее сына — неуклюжей выдумкой, одним словом, вы настаиваете, что ее попросту заманили в Советский Союз и сделали заложницей вашего возвращения. Я ничего не путаю? (Пауза.) Хорошо. В своем последнем письме ваша жена пишет, что операция, сделанная сыну, прошла успешно и он поправляется. Что вы скажете на это? (Пауза.) Ведь вы верите вашей жене? (Пауза.) Она сообщает, что подала заявление, ее обнадежили, обещали помочь, и если не к концу этого месяца, то к началу следующего паспорт будет у нее на руках. (Пауза.) Н-да... вы тонкий человек. Ее подвел почерк. В предыдущих письмах он был почти каллиграфический. Напрасно вы сожгли письмо. В молодости я увлекался графологией. Вы правильно рассудили, что формально, с точки зрения соответствующей организации, ей незачем ехать к вам. Отвезти сюда она вас отвезла — и вернулась, неважно, желая того или нет. Ее миссия окончена. Вы остались здесь, под нашим неусыпным контролем, ваши дела идут на поправку, и когда вы выпишитесь отсюда, вам уже не понадобятся провожатые, чтобы добраться домой. В крайнем случае к вам можно будет приставить одного-двух агентов, просто так, чтобы вы не шалили в дороге. Вы же писатель, кто его знает, что вам придет в голову? Сбежите и отправитесь колесить по Европе, где вас тогда искать? Нет, вам нужно домой. Там вас ждут жена, друзья, театры, рукописи, успех. Но вот вопрос: а хотите ли вы вернуться? (Пауза.) На этот вопрос я вынужден ответить... положительно. Вы хотите вернуться. (Пауза.) Какой у вас злой огонек в глазах. Думаете, я ошибаюсь? Но простите, что вам здесь делать, в нашей старой скучной Европе? Вы, советский писатель, возмужавший при Советской власти благодаря всем ее порокам и перегибам, вы не сможете здесь полноценно развиваться. Сатира под пером эмигранта превращается в пасквиль, лирика — в нытье, драма — в шарж. Для эмигранта вы слишком честны, чтобы быть писателем, и слишком интеллигентны, чтобы быть торгашом. Отчего вы решили, что погибнете в России? Все-таки многие писатели очень неплохо живут и там. Вы тоже, не слишком кривя душой, сможете протянуть не один десяток лет. Вы ведь молоды, вам еще нет и пятидесяти. Отчего же такое нежелание возвращаться? (Пауза.) Вас что, очень притесняли? Вам не давали работать? (Пауза.) Но ведь и здесь вы живете за оградой клиники, выполняете наш распорядок и, между нами, ничего не пишете. Я принес вам ручку, чернила, тетради — все, что вы просили. Вы не прикоснулись ни к чему. Отчего? Ваш мозг работает вхолостую. То есть он, конечно, производит всякие страхи, фантазии, вроде этого Черного Монаха, но эта работа разрушает вас, уничтожает вас как личность. Что за Черный Монах, отчего Черный Монах? Почему не, скажем, отец Николай из церкви Петра и Павла? По крайней мере, это живой и достойный человек и на хорошем счету у новой власти. Я уважаю право на исповедь, но исповедоваться галлюцинации?.. Избыток веры столь же губителен, как и ее недостаток. Исповедуйтесь лучше мне, я не духовное лицо, но также обязан хранить

тайну и по долгу службы должен знать о вас все. Мне интересно знать все о вас. У вас богатое подсознание. Я давно не встречал таких дремучих рефлексов. Даже вашему страху две тысячи лет. В этом вы типичный русский. Ведь вы готовы к смерти? Каждый русский готов к смерти — с самого рождения. В этом проявляется ваш национальный дух. (Пауза.) Вам придется умереть. Вы тонкий человек, вы понимаете, ничего другого вам не остается. Жену обязаны пустить к умирающему. И ее пустят. (Пауза.) Рано или... поздно. Согласитесь, это даже гуманно: избавить ее от необходимости облегчать ваши страдания, и, кроме того, ведь всегда остается надежда, что вы как-нибудь выкарабкаетесь? (Пауза.) Но допустим, она успела: вы еще живы, хотя и находитесь при смерти. Она рыдает, она снова с вами, жизнь снова прекрасна, и если бы не тягостная обязанность умереть... Не так ли? Но вы русский, и к тому же писатель, и потому видите в смерти нечто возвышенное, а не то, чем она есть на самом деле — всемирной заготовкой навоза. (Постепенно вдохновляясь.) И вот пока вы одухотворенно превращаетесь в навоз, а ваша жена продолжает рыдать, прихожу я и говорю такие слова: господин Булгаков, отчего вы были так слепы? У вас был друг, но вы его отвергли. Он протянул вам руку помощи, но вы ее оттолкнули. Отчего вы не сказали: «Доктор Кубик, я хочу умереть для всех, но воскреснуть для одной. Соедините наши жизни, помогите нашей любви, укажите нам выход!» И поскольку я в молодости увлекался поэзией, я ответил бы так: господин Булгаков, сказал бы я, вы покончите с собой. Вы выброситесь из окна. Вас собьет машина. Неважно — вы превратитесь в кровавое месиво. И тогда во всем мире будут только два человека, кто сможет опознать в этом месиве господина Булгакова, а не, скажем, переодетого староместского нищего. Но вы тонкий человек, вы понимаете, что месивом этим будет именно нищий. А вы? Под чужим именем, но со своей женой вы пойдете по миру. Путешествовать, я имею в виду. И я, доктор Кубик, готов вам в этом помочь. Каждый русский писатель выбирает между живым трупом и мертвыми душами. Делайте выбор, господин Булгаков, делайте ваш выбор.

Пауза. Входит Сиделка.

Сиделка. Dostavil se pan inspektor z lékařskej kontroli.

Доктор Кубик. Черт! Okamžite. Прошу меня простить. Nikoho sem ne pouštet. А вы крепкий орешек!

Выходит. Сиделка остается, наблюдает за действиями Булгакова. Тот разворачивает копию письма, перечитывает еще раз, аккуратно складывает и затем разрывает на мелкие кусочки. Роняет их на пол. Сиделка подходит и поднимает. В дверях показывается голова Кушкина. Сиделка бросается наперерез.

Сиделка. Kam? Odcházte pryč! Tu lékařska kontrola.

Кушкин (назад). Николаша, он один, заходи, не стесняйся.

Входит Николаша.

Сиделка. Marš odsud!

Кушкин. Не ори, дура! Больному нужен покой!

Сиделка. Kvůli vám budou mít nepříjemnost.

Кушкин. Все равно не понимаю, что ты там лопочешь.

Сиделка. Пошел вон!

Кушкин. Так я и думал. Только после вас, мадам.

Подталкивает ее к двери.

Сиделка. Pan Bulgakov potrebuje odpočinek!

Кушкин. Очень хорошо. Отпочинек так отпочинек. Трое русских всегда отпочнут лучше, чем один.

Сиделка. Pan doktor rozkazal...

Кушкин (*вкладывая ей в руку кукюру*). Всего хорошего, пани...

Выставляет Сиделку за дверь. Поворачивается к Булгакову.

Дорогой Михаил Афанасьевич, здравствуйте! Вы нас не узнаете? Не отчаивайтесь! Зато мы о вас очень, очень наслышаны. Позвольте представиться — ваши друзья.

Николаша. Ваши поклонники.

Кланяются.

Кушкин. Мы давно собирались зайти к вам, да вот как-то не приходилось.

Николаша. Не пускали нас.

Кушкин. Это неважно. Поговорим лучше о вас. Как ваше драгоценное здоровье? Поверьте, нам далеко не безразлична судьба российской словесности.

Булгаков (*мрачно*). Спасибо. Мне лучше.

Николаша. Это ужасно! Как же тогда вам было раньше!

Кушкин. Николаша, не мучь человека. Больному нужен покой.

Николаша немедленно достает бутылку.

Спрячь, болван. Я сказал — покой, а не отпочинек. (*После паузы*.) Нам далеко не безразлична судьба российской словесности.

Николаша. Александр Сергеевич, вы это уже говорили.

Кушкин. Разве? Не помню. Когда?

Булгаков. Но зато вы забыли представиться.

Кушкин. Разве? Николаша, мы что, не представились?

Николаша. Не помню, Александр Сергеевич. Когда?

Кушкин. Когда мы вошли, болван. Простите нас великодушно. (*Указывая на Николашу*.) Николай Моголь.

Николаша (*указывая на Кушкина*). Александр Кушкин.

Кланяются.

Кушкин. Как ваше драгоценное здоровье?

Николаша. Ему лучше, Александр Сергеевич.

Кушкин. Ну, тогда поговорим о литературе. Вы уже наладили контакты со здешними литераторами?

Булгаков. Не налазил и налаживать не собираюсь.

Кушкин. Как же это? Здесь много русских литераторов. Конечно, не Париж, но шуму не меньше.

Булгаков. Я устал от шума.

Николаша (*кивая*). Больному нужен покой.

Кушкин. Да, вы правы. Мы умеем производить шум. Иногда кажется, это все, что мы умеем производить.

Булгаков. Скажу больше: вы первые и, надеюсь, последние русские, с которыми я здесь общаюсь.

Кушкин. Это очень лестно для нас. Вы что же, собираетесь скоро вернуться в Россию?

Булгаков. Мне трудно об этом судить. С доктором Кубиком побеседуйте.

Николаша. Простите — чем побеседовать?!

Кушкин. Кубиком. Фамилия, болван. А беседовать будешь языком.

Николаша (*обиженно*). Не знаю я их языка.

Булгаков. Доктор Кубик блестяще владеет русским. Он учился в России.

Кушкин. Очень интересно. Обязательно побеседуем. Так, значит, и в издательства вы не обращались, и журналам ничего не предлагали?.. Прямо не верится.

Булгаков. Отчего же не верится? Я, видите ли, сижу в четырех стенах, под тщательным наблюдением медиков, даром что в Европе. Мне эта Европа даже в окно не видна — только деревья и забор, можете поглядеть. Газет мне не носят никаких, чтобы не волновать. Никого не пускают, по той же причине. Так что будьте покойны: мне отсюда некуда деться.

Кушкин. Спасибо. Вы нас очень утешили. Вы тоже будьте поспокойнее. Что вы так дергаетесь? Ведь, кажется, вам созданы все условия для отдыха?

Николаша. Доставать, Александр Сергеевич?

Кушкин. Погоди. Но, наверное, вы не об этом мечтали, когда ехали сюда? Думали небось: Европа, Рим, Париж? Только с этим сложно сейчас: война, ничего не поделаешь. Вот когда немцы аннексируют Францию, вот тогда, Михаил Александрович...

Николаша. Афанасьевич.

Кушкин. Ах, да, простите, конечно — Афанасьевич. Это я — Александр. Александр Сергеевич Кушкин. (*Кланяется.*) Впрочем, мы уже знакомы.

Пауза.

Вот что, Михаил Афанасьевич, мы постараемся вам помочь. Вы передадите нам свою рукопись, а мы уж найдем способ ее опубликовать.

Булгаков (*поблуднев*). Какую рукопись?..

Кушкин. Разумеется — вашего нового романа.

Булгаков. У меня нет никакой рукописи.

Кушкин. Это неправда, Михаил Афанасьевич, зачем вы лжете? У писателей всегда есть рукописи. У поэтов — поэмы, у драматургов — пьесы, у прозаиков — романы.

Булгаков. Я драматург.

Кушкин. Мы теряем время. Вы прозаик. Не отпирайтесь. У вас должен быть роман.

Булгаков. С кем?..

Кушкин. С вами. Здесь. Я оценил ваш каламбур.

Булгаков. Предположим на минуту, что вы правы...

Николаша. Он прав, он прав.

Булгаков. Безусловно, у меня есть рукописи. Что скрывать! Даже слишком много рукописей. Я бы предпочел, чтоб они превратились в спектакли и книги. Но увы! Все они остались дома, в России. Мне незачем было везти их через границу. Во-первых, это тяжело и опасно, а во-вторых, у меня есть все возможности... то есть это мое самое большое желание — увидеть их опубликованными в СССР.

Кушкин. И снова вы лжете. Писатели никогда не расстаются со своими рукописями.

Булгаков. Это чепуха, уверяю вас. Мне ли не знать!

Кушкин. И все-таки — рукопись романа...

Булгаков. Я не знаю, откуда вам это стало известно... но если вы имеете в виду тот набросок...

Николаша. Роман.

Булгаков. Набросок романа, который я читал двум-трем друзьям... я его уничтожил. Перед отъездом.

Кушкин. Слышишь, Николаша?

Николаша. Вы гений, Александр Сергеич!

Кушкин. Я — гений Александр Сергеич... Вот как бывает, Николаша: пишешь-пишешь, вынашиваешь, понимаете ли, замыслы, читаешь двум-трем друзьям, и вдруг — трах! — разонравилось, — бах! — уничтожил.

Николаша (*траурным голосом*). Российская словесность понесла еще одну тяжелую...

Кушкин. И как же вы его уничтожили?

Николаша. Жене на бигуди.

Булгаков. Я его сжег!!

Кушкин. Тише, тише! Какой вы нервный. Лечиться вам надо, вот что.

Николаша. Так он же в клинике, Александр Сергеич.

Кушкин. Сам знаю, болван. Я сказал — лечиться, а не от скуки с ума сходить. Доставай.

Николаша достает бутылку. Кушкин откупоривает.

Сжег! Прямо Гоголь и «Мертвые души». Пошлый жест, вы не находите?

Николаша. Это чепуха, уверяю вас.

Сиделка (*вбегая*). Hned odchazte! Jdou sem! Odchazte, prosim...

Кушкин (*не двигаясь*). Сядь, Николаша. Второй раз нас сюда не пустят.

Сиделка. Господа русские!.. Tak jste nerozumite! Vyházi mě!..

Николаша. Жалко паню.

Сиделка. Ach, je pozde, pozde... Alespon jste schovajte!..

Николаша. Прячьтесь, говорит.

Прячется. Кушкин, прихватив бутылку, лезет под кровать.

Кушкин. Какая нервная. Им тут всем лечиться надо.

Сиделка замирает у двери. Входят Инспектор и доктор Кубик.

Пауза.

Инспектор. Welche Diagnose hat er? (Какой диагноз?)

Доктор Кубик. Er hat die Nierensklerose und die Angsthysterie, Herr Doktor. (Склероз почек, истерия страха.)

Инспектор. Wer ist das? (Кто он?)

Доктор Кубик. Er ist ein russischen Schriftsteller, Herr Doktor. (Русский писатель.)

Инспектор (*улыбаясь*). Warum sind alle russischen Schriftsteller wahnsinnig? (Почему все русские писатели — сумасшедшие?)

Доктор Кубик. Nur der Wahnsinnige möchte Schriftsteller in Rußland werden, Herr Doktor. (Только сумасшедший может захотеть быть писателем в России.)

Смеются.

Инспектор (*подходит к кровати Булгакова*). Wie heißt du?

Доктор Кубик (*Булгакову*). Господин инспектор спрашивает, как тебя зовут? (*Пауза. Инспектору*). Sein Name ist Bulgakov, Herr Doktor.

Инспектор. Wo und wann bist du geboren?

Доктор Кубик (*Булгакову*). Господин инспектор спрашивает, где и когда ты родился?

Булгаков (*кричит*). Laß mich in Ruhe! (Оставьте меня в покое!) (*Отворачивается*.)

Инспектор (*отходя*). Ausgezeichnetes Exemplar des Nervenkranken! (Прекрасный экземпляр неврастеника!)

Инспектор и доктор Кубик выходят. Сиделка, переведя дух, опрометью бросается вслед за ними. Николаша и Кушкин выбираются из своих укрытий, причём у последнего в руках бутылка и найденный им под кроватью чемоданчик. Его Кушкин кладет на стол и сверху на крышку ставит бутылку. Николаша достает стопочки. Булгаков, отвернувшись, неподвижно лежит на кровати.

Кушкин. Клистирная душонка! Вы слышали, что он сказал? Только сумасшедший может захотеть быть писателем в России! Ошибается, ошибается ваш доктор Кубик. Российские писатели — не сумасшедшие, а — кто, Николаша?

Николаша. Юродивые.

Кушкин (*разливая по стопочкам водку*). Правильно. Юродивые. Помните, у классика (*поет*): «Борис, а Борис... Мальчишки отняли копейчку... Вели зарезать их, как ты зарезал царевича...» Кто это сказал? Кто посмел обвинить своего государя? Гёте? Шекспир? Мольер? Нет — наш брат, юродивый! Взял и резанул правду-матку — в глаза. Но вы-то, вы-то, Михаил Афанасьевич, не юродивый и не сумасшедший? Вы не откажетесь выпить с нами?

Булгаков (*поворачиваясь*). Кто вы?

Николаша. Агенты НКВД.

Пауза. Булгаков поднимается и начинает застегивать пижаму.

Кушкин. Болван! Думай, с кем шутишь! (*С тревогой*.) Михаил Афанасьевич!

Николаша. Выпейте и забудьте. Хотите брудершафт?

Булгаков. Не хочу. Я ждал вас.

Кушкин. Сядьте! Вы ждали не нас. Но лучше мы, чем те, кого вы ждали. Когда я сидел под кроватью, я там обнаружил эту забавную вещицу. Этот чемоданчик. Николаша, тебе знаком такой чемоданчик?

Николаша. Нет, Александр Сергеевич.

Кушкин. Плохой ты писатель, Николаша. А хорошие писатели хранят в них свои рукописи. Поэты хранят в них поэмы, драматурги — пьесы, а прозаики — что?

Николаша. Наброски романов.

Булгаков. Там ничего нет.

Кушкин. Однако — тяжелый.

Булгаков. Там мои вещи.

Кушкин. А давайте откроем.

Булгаков. С какой стати?

Кушкин. Просто — проверим.

Булгаков. Сейчас закричу.

Кушкин. Караул, грабят? Не стоит. Вы же не любите шума. К тому же могут прибежать не те, кого вы захотите видеть. Открывайте.

Булгаков. Зачем вам роман?

Кушкин. Профессия, понимаете... Ведь я — литературный критик.

Николаша. Александру Сергеичу далеко не безразлична судьба российской словесности.

Кушкин. На вас можно делать большие деньги. Писатель — еще одна жертва кровавого режима.

Булгаков. Я не жертва кровавого режима...

Кушкин. Понадобится жертва — будете жертвой.

Николаша. От сумы да от тюрьмы...

Кушкин. Открывайте!

Булгаков. Там ничего нет!

Кушкин. Экий вы упорный. Николаша, дружок, поделись с Михаилом Афанасьевичем своими наблюдениями.

Николаша. И о серых рассказать?

Кушкин. Именно о серых и расскажи.

Николаша. Ну, что. Приходили двое. Серые, в плащах и шляпах. Сюда, вниз, в клинику. Очень они вами интересовались, Михаил Афанасьевич. Ну, прямо всем интересовались: как спите, как едите, как чувствуете, с кем видите. Кому пишите. Что пишете. Ну, словом, всем. А я рядом стоял, тоже как бы справки наводил. Не о вас, конечно. Потом они ушли. Это вчера было, в шестом часу.

Кушкин. Николаша, ты не сказал, может, это и не русские были вовсе?

Николаша. Как же не русские? Они по-немецки говорили, но иногда такое порусски вставляли, что я прямо краснел. Мысленно, конечно, в целях конспирации.

Кушкин. Вот. Помните, Михаил Афанасьевич, как у Гоголя? Пришли две серые крысы, понюхали и ушли. Очень нехороший знак. А тут еще мы к вам влезли, что будет, если они узнают? Прощай, Европа, прощай, воздух свободы, и, может быть, прощай, жизнь. Что вы нам тут говорили, кто знает? Передавали нам рукопись или нет? Не проверить. А ну как появится в одной из здешних газеток статья за вашей подписью? Николаша, продажная душа, уж приложит весь свой крохотный талантик и напишет этакое хлесткое, булгаковское — о Стране Советов или, наоборот — панегирик Западу. Да, я думаю, они и не станут анализировать особенности стиля? Одной фамилии хватит.

Булгаков. Глупый, бездарный шантаж. Нет у меня ничего. А если бы было — все равно бы не дал. Как вы могли рассчитывать, что я доверю свой роман, свою судьбу, судьбу моих близких — незнакомым мне людям?..

Кушкин. Ну почему незнакомым. Николаша, мы что, не представились?

Николаша. Два раза, Александр Сергеевич.

Кушкин. Мы можем расписку написать.

Николаша. Залог оставить. Вот часы, серебряные, царские, швейцарские.

Кушкин. Может, он нас просто унижает?

Николаша. Пить с нами отказался.

Кушкин. Может, он и не Булгаков вовсе?

Николаша. Однофамилец.

Кушкин. И не писатель?

Николаша. Шпик!

Кушкин. И не русский?

Николаша. Убью гада!!

Бросается на Булгакова и хватает его в охапку. Кушкин открывает чемоданчик и роется в нем.

Кушкин. Пикнешь — придушим: время сейчас тревожное, военное, одним сумасшедшим больше, одним меньше...

Николаша. Он, кажется, копыта откинул.

Кушкин. Нет здесь ничего. Вот сволочь.

Николаша. Может, и правда нет?

Кушкин. Может, и правда.

Николаша. Еще поищем?

Кушкин. Хватит. Это уже не наша забота. Прикрой его. Посуду забери.

Николаша. Может, стукнуть разок?

Кушкин. Пошли, болван. Им другие займутся.

Николаша. А попрощаться?

Кушкин. Китайские церемонии. Прощайте, Михаил Афанасьевич. Эти минуты общения с вами навсегда запечатлятся в нашей памяти.

Николаша. Вечная память.

Исчезают. Постепенно Булгаков приходит в себя. С трудом поднимается с кровати, подбирается к чемодану и... достает оттуда тетради романа. Перелистывает. Позади него от стены отделяется Черный Монах. Он приближается в приливах и отливах света. Спихватившись, Булгаков захлопывает тетрадь и оборачивается, закрывая собой стол. Пауза.

Булгаков. Тебя ли я вижу, любезный синьор Кихано? Или это снова все тот же сон? Если ты наяву, ты принес мне одну вещичку: мы о ней говорили.

Черный Монах протягивает ему пистолет.

Спасибо.

Кладет его на подушку.

Тогда у меня к тебе просьба. Исполни, прошу тебя. Возьми эти тетради и спрячь. Сохрани их. Скоро сюда приедет моя жена. Передашь их ей. Она знает, как поступить. Ну, а если не приедет... если не приедет — все сожги. Так я хочу. А теперь — оставь меня одного. Уходи. И не забудь...

Ложится. Черный Монах не уходит. Пауза.

Я все думал. Доктор Кубик прав — это судьба. Я должен выйти из игры. Нынче пошла другая игра, не человечья, и как я ни поступи — все равно проиграл. Убить себя — грех и дорога в ад, но и жить в земном аду — грех. Изнемог я, Господи. Ужас не в том, что мы САМИ должны выбирать: умереть — или жить, примирившись с насильем и злом. Умереть или жить — выбрать смерть души или тела — выбрать любое из самоубийств — разве это не дьявольская издевка? Эта власть не от Бога. Она беспощадна ко всем, даже к слугам своим, и никто не свободен от выбора. Подай мне черную тетрадь. Я прочту тебе несколько строк.

Черный Монах подает ему тетрадь и садится в изголовье.

(Читает.) «„Ах, подлец, что вытворяет“, — вздрагивал Коротков, глядя, как на желтом песке арены человек-змея закидывает ногу за голову. Но это было только начало. Продолжение изумило и потрясло зрителей. Двое служителей вынесли на

арену пустой стеклянный ящик кубической формы, маленький, не более фута в высоту, и поставили на возвышение. Мелким горохом посыпал из-под купола барабан. Человека-змею, сложенного в три погибели, подняли, понесли и затолкали в стеклянный куб. Звякнула крышка. „Ап!“ — страшным голосом прокричал шпрыхсталмейстер, так что сердце Короткова ерзнуло куда-то вбок. Он ясно увидел напряженное, приплюснутое к стеклу лицо, с пяткой вместо уха, неестественно вывернутую руку, дважды переломленный хребет, и в это мгновение ему наяву приснился кошмарный и призрачный сон.

Опускает тетрадь. В дверях незаметно появляется доктор Кубик.

Ему снилась широкая площадь, вся вымощенная стеклянными кубиками, в каждом из которых был заключен человек. С четырех сторон возвышалась стеклянная стена, и оттуда смотрели налитыми кровью глазами люди-кубики. Коротков поднял голову вверх, и увидел квадратное хрустальное небо и в нем огромного скорченного божищу, и закричал...»

Доктор Кубик. Bravo, господин Булгаков! Решили осчастливить нас новым творением? В добрый час. Жаль только, что мне уже не придется с ним ознакомиться. Вынужден вас огорчить. Вы произвели крайне неблагоприятное впечатление на господина инспектора. Он сказал: «Пусть Россия сама лечит своих сумасшедших».

Сиделка (*появляясь в дверях*). Господин Булгаков, к вам двое господ русских вояков... военных. Им потребно видеть вас.

Затемнение. Перестук колес. Конец видениям.

ЭПИЛОГ

Купе. Вечер. Дверь в коридор приоткрыта. Сидящий Черный Монах превратился в Елену Сергеевну. Булгаков лежит в той же позе, что и в конце пролога.

Елена Сергеевна. Ты спал?

Булгаков. Не знаю. Я что-нибудь говорил во сне?

Елена Сергеевна. Нет. Ничего.

Булгаков. Сегодня многим приснятся странные сны.

Разносчица (*из коридора*). Готовые ужины, чай, какао, кондитерские изделия. (*Появляясь в дверях*.) Не угодно ли... (*Узнает.*) Сию минуту...

Елена Сергеевна. Как твои глаза?

Булгаков. Лучше.

Перестук колес замедляется.

Елена Сергеевна (*глядя в окно*). Какая-то станция.

Проводник (*проходя мимо дверей*). Тула, граждане, стоянка десять минут, Тула, граждане...

Удаляется.

Булгаков. Люся. Мы должны возвращаться. В Москву. Ты не обижаешься?

Елена Сергеевна. Ну что ты! Конечно, нет. Возвращаться так возвращаться.

Быстро собираются и выходят. Закрывают за собой двери. Некоторое время тишина, затем — нарастающий стук колес.